

УДК 940.2

Г. В. Кретинин

О присяге прусского населения на верность российской императрице в Семилетнюю войну 1756—1763 годов

Рассмотрены конкретные вопросы управления провинцией Пруссия в Семилетнюю войну 1756—1763 гг. Проанализирована особенность приема прусским населением присяги на верность российской императрице до введения губернаторского правления. Охарактеризована деятельность российских губернаторов при приеме присяги и освобождении от подданных обязанностей при возвращении провинции прусскому королю.

The paper covers specific issues of administration of the Province of Prussia in the Seven Years' War of 1756—1763. The author analyses the peculiarity of taking the oath of allegiance to the Russian Empress by the Prussian population before the establishment of the governor's board and characterizes the activity of the Russian governors during taking the oath and at the release from the given duties at the moment of return of the province to the Prussian King.

Ключевые слова: Семилетняя война, провинция Пруссия, российские губернаторы, присяга, подданство, российская императрица, прусский король.

Key words: the Seven Years' War, the Province of Prussia, Russian governors, oath, citizenship, the Russian Empress, the Prussian King.

В первой половине XVIII в. Семилетняя война 1756—1763 гг. была прогнозируема. Силезские войны в 40-х гг. выдвинули на авансцену европейской политики прусское королевство. Фридрих II все больше и больше чувствовал свою независимость, доводя дело как до военных, так и дипломатических конфликтов [12, с. 25—27; 21, с. 7, 14]. Священная Римская империя все более и более теряла свою значимость в Европе. Франция и Англия стояли на пороге конфликта в Северной Америке (который вскоре и разразился). Австрия испытывала явный дискомфорт в отношениях с Турцией и рассчитывала на поддержку на своем южном фланге со стороны

России и с этой целью вела переговоры о территориальных изменениях [19, с. 7, 8; 16, с. 54; 7, с. 184—185]. Россия после небольшой оплепетровской передышки в европейских делах была готова играть более значимую роль на континенте.

И все же война началась неожиданно. Ее участникам пришлось решать свои проблемы уже «под грохот канонады». Менялись цели участия в войне, намерения, планы, наконец, союзники. В значительной степени такие изменения коснулись и России. «Ослабить» короля прусского не удалось: наоборот, за счет последовавшего в 1762 г. союза с Россией роль Фридриха II в Центральной Европе значительно возросла. Силезия не была возвращена венскому двору, Польша «взяла» устойчивый курс на свою ликвидацию как королевства. Россия не смогла получить в свое ведение торговлю на черноморско-балтийском направлении. Петербург в конечном итоге оказался представителем единственной стороны, практически не получившей выгод от своего участия в длительном военном противостоянии. Хотя роль и значение Российской империи на европейской арене значительно усилились, но добиться конкретных успехов не удалось.

Примером внешнеполитического неуспеха следует считать несостоявшееся присоединение к России провинции Пруссия. В российском историческом сообществе длительное время ведутся дискуссии о предвоенных планах России и ее союзников, о противоречиях между ними же в ходе войны [3, с. 255; 17, с. 294]. И на этом фоне конкретно звучат вопросы: входила ли провинция как губерния в состав Российской империи? Как следует в этом отношении расценивать принятие населением провинции присяги на верность императрице Елизавете Петровне, выпуск русской монеты в Кёнигсберге, смену прусских гербов в присутственных местах на двуглавые российские, появление в Кёнигсберге и других городах стационарных русских православных церквей, газеты «Санкт-Петербургские ведомости»? И это после поистине усиленных рекрутских наборов Фридриха II в провинции, его же «военного налога», обескровившего население [22, s. 112—117].

Собственно говоря, принятие присяги в Пруссии исчерпывающе прокомментировал М. Ю. Анисимов. Используя историческую аналогию — приведение в 1742 г. к присяге населения шведской Финляндии в подданство Елизавете Петровне с последующим (после окончания русско-шведской войны) возвращением шведам практи-

чески всей финской территории, — он утверждает, что нет оснований рассматривать присягу прусского населения как факт окончательного включения провинции Пруссия в состав России [2, с. 153].

В связи с этим встает вопрос об особенностях деятельности российских военных губернаторов по управлению занятой русскими войсками прусской территории. Если это не российская провинция, то как она подчинялась российской власти? Ф. Гаузе оценивал режим правления русских как гуманный. Он писал, что русские солдаты соблюдали хорошую дисциплину, «для пруссаков почти не существовало ограничений ни в свободе передвижения, ни в хозяйственной деятельности». Не было реквизиций помещений, в учреждениях и храмах продолжали служить прусские чиновники и пасторы [4, с. 140—141].

Стоит обратить внимание на деятельность русского командования еще до образования аппарата губернаторства. Речь идет о походе русских войск в Пруссию в 1757 г. Можно предположить, что руководство действующей армии вряд ли было в курсе дипломатических перипетий о послевоенной судьбе провинции. Но спокойствие на занятой территории, в собственном тылу было необходимо. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин попытался установить нормальные отношения с местным населением. Не имея на то каких-либо указаний из Санкт-Петербурга, он предпринял собственные меры, чтобы успокоить пруссаков.

П. Пекарский сообщает, что русский главнокомандующий за недолгое время своего пребывания в Пруссии издал четыре манифеста:

- в первом — оправдывал начало боевых действий и вину за разорение населения перекладывал на прусского короля;
- во втором — приглашал переселяться в Россию прусских жителей всех званий, занятый и ремесел;
- в третьем — рекомендовал населению продолжить свою повседневную деятельность под покровительством русской военной власти. В противном случае обещал применить меры по всей строгости военного времени;
- в четвертом — предписывал россиянам, находившимся на прусской службе и проживавшим на территории провинции, выйти в отставку, вести частный образ жизни или возвращаться в Россию [10, с. 307].

Эти манифесты, видимо, получили определенную известность в Пруссии, дошли до тогдашнего губернатора провинции Левальдта. Обеспокоенный этим, он вынужден был издать собственную декларацию с запрещением своим соотечественникам переселяться в Россию [10, с. 310].

Манифесты сохраняли свою силу и в последующем. Перед вторым походом новый главнокомандующий русской армией В. В. Фермор извещал местное население, «что армия ее императорского величества маршировать имеет в Пруссию точно в том же намерении, как в мае сего 1757 г. опубликованным от командующего тогда генерал-фельдмаршала и кавалера Апраксина манифестом ко всенародному известию знать дано». Затем кратко излагалась суть манифеста [14, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 16].

Прямых результатов подобной законодательной деятельности пока не обнаружено [6, с. 149–150]. Более информативной оказалась такая форма сотрудничества военных властей и местного населения, как приведение пруссаков к присяге на верность императрице Елизавете Петровне.

Исследователи сообщают, что первым к проведению таких мероприятий приступил генерал-аншеф В. В. Фермор: 5 июля 1757 г. он вступил со своим отрядом в Мемель, провел в лютеранской церкви благодарственный молебен в честь императрицы, а затем чиновники и жители города приступили к принесению присяги [13, с. 64–65; 23, S. 345]. Подобным образом Фермор действовал и после занятия русскими войсками 31 июля Тильзита. Здесь депутация духовенства и городских властей, сдавая город, тут же изъявила желание принять присягу. А затем «все чиновники, все пасторы окрестных приходов, все обыватели мужского пола старше 15 лет, независимо немецкой или литовской расы» также поменяли свое подданство [13, с. 65].

Между тем прием присяги оказался достаточно длинной процедурой. Фермор задержался в Мемеле на две недели, где занимался возвращением разбежавшихся горожан, приведением в порядок своих войск. Не меньше времени ему пришлось потратить и в Тильзите. В свою очередь С. Ф. Апраксин с 6 по 10 августа приводил к присяге жителей Гумбиннена, с 10 по 14 августа — Инстербурга [14, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 17].

После отступления осенью 1757 г. русской армии из Пруссии фельдмаршал Левальдт был серьезно озабочен тем, что делать с населением, присягнувшим на верность российской императрице?

Оптимальным было бы освобождение от присяги словом божьим, но многие пасторы сами присягали Елизавете Петровне. Не было сомнений только у Фридриха II. Своим приказом он объявил, что «присяга, данная российской императрице, исторгнута принуждением и поэтому не имеет никакой силы... и король всей полнотой принадлежащей ему власти, освобождает от нее своих подданных» [13, с. 106—107].

Принятие присяги в 1757 г. стало репетицией того, что было осуществлено зимой 1758 г., но уже в больших масштабах. Двадцать третьего января 1758 г. Фермор отдал распоряжение о приведении к присяге жителей провинции. Юридическим основанием для этих действий служил указ Елизаветы Петровны от 31 декабря (по ст. ст.) 1757 г. В указе отмечалось, что летом 1757 г. «жители (Пруссии. — Г. К.) сами добровольно предавались в нашу протекцию». Императрица высказывала сожаление, что ее армия тогда была вынуждена покинуть уже занятые земли, а некоторые места «были выжжены и опустошены. Все это было сделано без нашего желания». Теперь же императрица гарантировала населению Пруссии «благоволение и милости» все при том же добровольном переходе в ее «протекцию» [8, с. 19—20].

Текст присяги на немецком языке впервые был опубликован Д. Ф. Масловским. С комментариями он был изложен Н. М. Коробковым [8, с. 20; 5, с. 150]. Позднее текст присяги А. С. Макарычев перевел на русский язык.

Население должно было присягнуть за два месяца, начиная с 24 января, на который выпадал день рождения Фридриха II. Фермор, разумеется, не приурочивал к этому дню начало церемонии. Она началась в королевском замке Кёнигсберга (в Пруссии уже сложилась традиция коронации именно здесь). Вначале зачитывался манифест Елизаветы Петровны, затем оглашалась присяга, а присутствующие повторяли ее. Присягали высшие чиновники, профессора и преподаватели университета (в том числе и И. Кант), чиновники различных учреждений [8, с. 20; 5, с. 150]. Местное население, в целом, оказалось вполне законопослушным. Впрочем, к этому его подвигло и отношение российских властей.

Деятнадцатого февраля 1758 г. в Кёнигсберге был обнародован указ российской императрицы о назначении генерал-губернатором В. В. Фермора с сохранением за ним должности главнокомандующего [8, с. 106—108]. Весной этого же года он убывает на Вислу, где сосредоточивалась армия для нового похода уже против само-

го Фридриха II. Административные функции по управлению провинцией было решено передать вновь назначенному губернатору Н. А. Корфу [5, с. 139]. Корф хотя и подчинялся генерал-губернатору, но имел возможность прямого сношения с Петербургом. Фермор и Корф по происхождению были немцами, поэтому естественным стал режим наибольшего благоприятствования для провинции в части налогообложения, несения тягот войны населением, выполнении других государственных обязанностей. Так продолжалось до 1760 г.

Наконец в Петербурге было принято решение распространить на провинцию, ее население обязанности по оказанию помощи армии, ведущей боевые действия. Естественным стало формирование у российского руководства идеи полного присоединения прусской провинции к России. Разумеется, провинция была занята русскими войсками, ею управляли российские губернаторы, все большее распространение там получали российские законы. Но с международной точки зрения эта территория еще не была российским владением. Требовалось международное признание изменения статуса Пруссии. Тридцатого апреля 1760 г. Елизавета Петровна утвердила проект присоединения прусской провинции к России. Проект был вручен дипломатам союзников [11, с. 705]. Париж и Вена в принципе не были против подобных действий своей союзницы, но оговаривали их трудновыполнимыми условиями.

Вскоре произошла смена губернатора: вместо Н. А. Корфа был назначен В. И. Суворов, руководивший провинцией ровно год [1, с. 138]. За это время была ликвидирована двойственность высшего управленческого звена: должность генерал-губернатора стала формальной, новый губернатор стал больше уделять внимания участию населения в несении воинской повинности. Пруссаки в рекруты не набирались, но должны были компенсировать эту обязанность денежным взносом. Была упорядочена сдача в аренду земельных участков, прусское население стало более строго привлекаться к обеспечению потребностей армии в транспорте для перевозок имущества, продовольствия, военных грузов и т. д. [14, ф. 26, оп. 1, д. 393, л. 1—19]. Разумеется, не все меры русских властей нравились местным жителям, в их среде росло недовольство, вначале подспудно, но вскоре оно вышло наружу.

В начале 1762 г. в России происходит смена власти, вместо умершей Елизаветы Петровны на престол всходит Петр III. Одним из первых своих указов новый император снимает с должности губернатора В. И. Суворова и назначает на его место П. И. Панина [18, с. 531].

Петр III резко меняет вектор внешней политики России, занимает позицию сторонника Фридриха II. Между Россией и Пруссией 5 мая 1762 г. заключается мирный трактат, в соответствии с которым восточная провинция должна была быть возвращена прусскому королю. П. И. Панин приступает к подготовке ее передачи [9, с. 83]. Однако из-за того, что армия испытывала недостаток боевых генералов, новый император в очередной раз меняет губернатора в Кёнигсберге: П. И. Панин убывает к войскам в Померанию [20, с. 595—596], а вместо него назначается бывший рижский губернатор Ф. М. Воейков [15, ф. ВУА, д. 1657 (А), л. 58]. Федору Матвеевичу Воейкову и пришлось завершать российскую губернаторскую эпопею в Пруссии. На него легла вся ответственность по организации и обеспечению вывода русских войск из Пруссии.

Юридические права на передачу провинции новым (старым!) властям Воейков получил в день своего назначения на должность — 7 июля. Петром III ему было предписано, что по «заключении между нами и его величеством королем прусским вечного мира всевысочайше повелеваем в сем королевстве публиковать вам обнаружением мирного трактата и через то жителей того королевства всякого чина... от učinенной... нам подданнической присяги свободными объявить» [14, ф. 26, оп. 1, д. 529, л. 87]. Восьмого июля 1762 г. губернатор Воейков публикует в Кёнигсберге прокламацию, освобождавшую население от присяги на верность России, которую жители провинции дали еще 24 января 1758 г. [14, ф. 26, оп. 1, д. 530, л. 23].

Список источников и литературы

1. *Болотов А. Т.* в Кёнигсберге (Из записок А. Т. Болотова, написанных им самим для своих потомков). Калининград, 1990.
2. *Анисимов М. Ю.* Восточная Пруссия в российских планах в годы Семилетней войны (1756—1763 гг.) // Известия Самарского науч. центра РАН. 2014. Т. 16, № 3.
3. *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М., 1892.
4. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
5. *Коробков Н. М.* Семилетняя война (Действия России в 1756—1762 гг.). М., 1940.
6. *Кретинин Г. В.* Генерал-фельдмаршал Апраксин в Пруссии // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 149—150.
7. *Кретинин Г. В.* Под управлением российских губернаторов (1757—1762) // Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов [и др.]. Калининград, 2006.

8. *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Приложение 2-го выпуска. М., 1887.
9. *Мыльников А. С.* Искушение чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.
10. *Пекарский П.* Поход русских в Пруссию под начальством фельдмаршала Апраксина // Военный сборник. 1858. Т. 3.
11. *Присоединение* Пруссии к России. Листки из записной книжки «Русской старины» // Русская старина. СПб., 1873. Т. 7.
12. *Пуццилло М.* Начало дружественных сношений России с Пруссией. Русские великаны в прусской службе (1711—1746). М., 1878.
13. *Рамбо А.* Русские и пруссаки: История Семилетней войны / пер. с фр. и коммент. Д. В. Соловьева. М., 2004.
14. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА).
15. *Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА).
16. *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995.
17. *Черкасов П. П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения, 1741—1762. М., 2010.
18. *Штелин Я. Я.* Записки // Русский архив. 1909. № 7.
19. *Щепкин Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1761. СПб., 1902.
20. *Энциклопедический* словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XXIIIА (44).
21. *Яковлев Н. Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.
22. *Hasenkamp H.* Ostpreussen unter den Doppelaar. Koenigsberg, 1886.
23. *Schaefer A.* Geschichte des Siebenjähiges Kriegs. Berlin, 1867. Bd. 1.